

УДК 330.131

В.Д. Кулигин

СИММЕТРИЯ В ОТНОШЕНИЯХ ОБМЕНА

Аннотация. Поступающая в сферу обмена вещь превращается в социальный феномен. При этом каждая из вещей характеризуется свойством дуальности. В результате обмена положение его участников изменяется. Это изменение не затрагивает их существенные характеристики. Инвариантность структурных элементов обмена сохраняется. Поддержание формы и состояния последних означает сохранение симметрии в отношениях обмена.

Ключевые слова: не потребительная стоимость, потребительная стоимость, дуальность, симметрия.

Vasiliy Kuligin

SYMMETRY IN THE RELATIONSHIPS OF EXCHANGE

Annotation. A thing going into sphere of exchange is transformed into a social phenomenon. Either of the things for all that is characterized by property of a duality. As a result of exchange a state its participants is changed. This change does not touch their essential characteristics. An invariance of structural elements of the exchange is remained. A maintenance of a form and condition the letters suggests retention of symmetry in the relationships of exchange.

Keywords: non consumption value, consumption value, duality, symmetry.

Вещь, вовлекаемая в сферу обмена, превращается в социальный феномен. С этого момента ее характеристики целиком и полностью определяются структурой социального измерения. Процесс обмена выявляет специфические общественные отличительные признаки вещей. Поступающие в обмен блага приобретают такие черты, которые никак не связаны с их природными физическими свойствами и формами. В руках своих товаровладельцев вещи не являются потребительными стоимостями. Как таковые, они не представляют для них ценности. Они служат им средством обмена. Находящиеся в распоряжении товаровладельцев вещи становятся потребительными стоимостями для других. При этом каждая из вещей, представляя собой единство не потребительной стоимости и потребительной стоимости, характеризуется дуальностью. Благодаря этому в ходе прямого безденежного обмена вещи меняются местами и владельцами. Одно благо становится на место другого блага. Не потребительные стоимости переходят в руки тех, в которых они становятся потребительными стоимостями, т.е. предметами потребления. Первоначальное положение участников обмена, по их собственной воле, заменяется на другое. В результате добровольного обмена объект сохраняет свою форму и позицию. Характерные черты обмена остаются неизменными при взаимной замене не потребительных стоимостей. Поддержание формы и положения рыночных агентов означает сохранение их симметрии в отношении обмена. Представляется, что рассмотрение обмена через призму симметрии позволяет несколько по-иному подойти к характеристике, имеющей место связи субъектов и их взаимодействия друг с другом.

Труд и продукт труда

Для приобретения любого предмета необходимы труд и усилия. «...Адам Смит, – писал К. Маркс, – провозгласил труд вообще, и притом в его общественной совокупности, как *разделение труда*, единственным источником материального богатства, или потребительных стоимостей» [4, с. 45]. Разделение труда в любом ремесле, писал А. Смит, вызывает соответствующее увеличение производительности труда. По-видимому, отделение друг от друга различных работ, сведение их к простым операциям вызывалось именно этим преимуществом [8]. Этот факт, по всей видимости, принимается экономистами без возражений. При разделении труда, подчеркивает Л. Мизес, достига-

ется более высокая производительность труда [6]. В этих условиях качественно различные виды полезного труда выполняются независимо друг от друга, как частное дело самостоятельных производителей [5]. Последние обособлены и автономны друг от друга. Вслед за А. Смитом К. Маркс рассматривает труд как создатель потребительных стоимостей, как полезный труд. В этом своем качестве полезного труда, последний является условием существования людей, вечной естественной необходимостью [5]. На первый план выходит, таким образом, полезность создаваемой трудом вещи, а значит и ее способность удовлетворять человеческие потребности.

«...Труд мануфактурного рабочего, – отмечал А. Смит, – закрепляется и реализуется в каком-либо отдельном предмете или товаре...» [8, с. 338–339]. Вслед за А. Смитом, содержание производительного труда сводится К. Марксом к приспособлению различных веществ природы к определенным человеческим потребностям. Полезность вещи не висит в воздухе. Она обусловлена свойствами обрабатываемого природного субстрата и не существует вне этого последнего [5]. С этой точки зрения все вещи «...представляют собой соединение двух элементов – вещества природы и труда» [5, с. 51]. Всякая вещь, таким образом, может рассматриваться как единство целесообразной производительной деятельности и вполне определенной материальной основы [5].

Любой элемент вещественного богатства, который человек не находит в природе в готовом виде, должен, по словам К. Маркса, создаваться посредством специальной, целесообразной производительной деятельности [5]. Последняя придает предметному субстрату полезные свойства, способные удовлетворять разнообразные человеческие потребности. «Угасая» и овеществляясь в природном материале, соединяясь с ним, человеческий труд принимает форму осязаемой полезной вещи. В произведенной вещи, таким образом, накоплен человеческий труд [5], т.е. затраты физической и умственной энергии индивида. При этом приложение затрат труда к природному субстрату увеличивает, по словам А. Смита, стоимость последнего [8]. Это положение разделяет и К. Маркс.

Изложенные выше соображения, по-видимому, не вызывали возражений и у представителей австрийской экономической школы. Производство, писал Л. фон Мизес, «...представляет собой трансформацию данных элементов путем упорядочивания и сочетания» [6, с. 133]. Рассматривая утверждение А. Смита, что «...труд был первоначальной ценой, первоначальной покупной суммой, которая была уплачена за все предметы» [8, с. 88], О. фон Бем-Баверк следующим образом комментирует это положение. «Этот тезис почти неоспорим, но для принципа ценности он ничего не дает» [1, с. 666]. Другими словами, О. фон Бем-Баверк не ставит под сомнение тот факт, что продукты создаются трудом. Однако он не усматривает прямой связи между затраченным на производство продукта трудом и ценностью этого продукта. «...Не может быть и речи о непосредственно очевидной внутренней связи между трудом и ценностью...», – говорит он [1, с. 665]. Это заключение, возможно, подтверждает следующая мысль К. Маркса: «...Сам труд, – пишет он, – не есть стоимость. Стоимостью он становится в застывшем состоянии, в предметной форме» [5, с. 60]. Возникает вопрос, при каких условиях соединенный с природными компонентами труд становится стоимостью. Что нужно, чтобы труд в застывшем состоянии стал стоимостью?

Продукт труда во всяком обществе является предметом потребления, но будучи произведенным в условиях разделения труда он должен превратиться в товар. Именно «разделение труда, – по словам К. Маркса, – превращает продукт труда в товар...» [5, с. 118]. Эволюция, углубление разделения труда прямо влияет на это превращение. Однако «для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена» [5, с. 49]. До обмена вещи не являются товарами. «...Товарами они становятся лишь благодаря обмену» [5, с. 97]. Затраченный на их производство труд «идет в счет лишь постольку, поскольку он затрачен в форме, полезной для других. ...это может доказать лишь обмен» [5, с. 95].

Превращение продуктов труда в товары связано, таким образом, с их обменом. Именно обмен делает произведенные вещи товарами. Это означает, что материальные вещи и их свойства как переносчиков жизненных средств помещаются в систему координат, в которой им дается общественная оценка [5]. И эта оценка не имеет ничего общего со свойствами материального субстрата вещей. Она не включает в себя ни атома вещества природы, не имеет ничего общего с физической природой вещей. Эта оценка выражает «неприродное свойство... вещей... нечто чисто общественное...», стоимостное бытие товара «...как нечто совершенно отличное от его тела и свойств последнего...» [5, с. 67]. Ее содержание составляет та информация, которая заключена в полезности самой материальной субстанции. Последняя является всего лишь носителем этой информации.

С этого момента специфические характеристики продукта труда целиком и полностью определяются структурой социального измерения, в которой он находится. Вещь, попадающая в сферу обмена, превращается в социальный феномен. Процесс обмена выявляет специфические общественные характеристики вещей. Поступающие в обмен блага приобретают такие черты, которые никак не связаны с их природными физическими свойствами и формами. В этой системе они становятся товаром, обладая двумя свойствами: не потребительной стоимости и потребительной стоимости.

Непосредственный, безденежный обмен

Глубина разделения труда обеспечивает постоянство и устойчивость его многообразных разветвленных звеньев. При этом товаровладельцы (два товаровладельца) не могут одновременно находиться в одинаковом положении. В результате специализации производства они пребывают в разных состояниях. Это означает, что каждый из них располагает продуктами особой полезности. Последняя обусловлена свойствами самого товарного тела. В отличие от товаровладельцев произведенные ими вещи в одно и то же время находятся в одном и том же состоянии. Для своего владельца товар «...скорее, *не потребительная стоимость*, а именно только вещественный носитель меновой стоимости или просто *средство обмена*; ...Потребительной стоимостью... он должен еще только *стать*, прежде всего для других» [4, с. 28]. По словам К. Маркса, первая предпосылка, необходимая для того чтобы предмет потребления стал меновой стоимостью, сводится к следующему. Количество этого предмета, находящегося в распоряжении своего владельца, должно превышать непосредственные потребности последнего. В этом случае данный предмет для своего хозяина существует как не потребительная стоимость [5]. Отсюда вытекает следующее. Во-первых, в руках своих товаровладельцев вещи не являются потребительными стоимостями. Произведенная индивидом вещь не представляет для него ценности. Она «не имеет для него самой непосредственной потребительной стоимости» [5]. Во-вторых, индивид производит вещи не для собственного потребления. Он работает не на себя, а на других. Изготовленная им вещь «имеет потребительную стоимость для других» [5, с. 95]. Ясно, однако, что без субъективной оценки благ обмен невозможен. Термины «не потребительная стоимость» и «потребительная стоимость» указывают на такую оценку. Ее дают «в практическом обиходе» сами товаровладельцы [5, с. 83]. Во всяком случае эта оценка имплицитно присутствует в понятиях не потребительная и потребительная стоимость. Это означает, что субъективная оценка полезности вещей является имманентной характеристикой обмена.

При этом товаровладельцы по-разному оценивают обмениваемые вещи. Каждый из них оценивает свою вещь с точки зрения ее способности дать при обмене другие материальные блага [1, С.161]. «Практически лиц, обменивающихся продуктами, – пишет в этой связи К. Маркс, – интересует прежде всего вопрос: сколько чужих продуктов можно получить за свой, т. е. в каких пропорциях обмениваются между собой продукты?» [5, с. 84]. В то же время О. фон Бем-Баверк обращает особое внимание на различие субъективных оценок участников обмена. «...Противоположные оценки одних и тех же материальных благ, – пишет О. фон Бем-Баверк, – не только могут, но и *должны* встречаться очень часто... Каждый производитель будет придавать своему собственному продукту незначитель-

ную, а чужим продуктам – относительно высокую субъективную ценность. ...Такое отношение между противоположными определениями ценности...» благоприятствует заключению меновых сделок [1, с. 178]. Однако К. Маркс не акцентирует свое внимание на субъективной оценке вещей. По всей видимости, он рассматривает ее, как нечто само собой разумеющееся.

На практике «расщепление продукта труда на полезную вещь и стоимостную вещь» [5, с. 83] осуществляется тогда, когда обмен приобрел достаточное распространение. В дальнейшем с течением времени «часть продуктов труда начинает производиться преднамеренно для нужд обмена. С этого момента «...закрепляется разделение между полезностью вещи для непосредственного потребления и полезностью ее для обмена» [5, с. 98]. Каждая из вещей является одновременно не потребительной и потребительной стоимостью, представляя собой их единство. Это означает, что находящиеся в распоряжении индивидов вещи обладают свойством дуальности. Присущая вещам имманентная противоположность обуславливается их дуальной природой.

Потребительные стоимости должны перейти в руки тех, где они служат предметами потребления. Каждый из товаровладельцев хочет обменять свой продукт на продукт другого, который, с точки зрения участников обмена, обладает для него большей ценностью. В конечном счете, «потребительные стоимости товаров *становятся* потребительными стоимостями, когда они всесторонне меняются местами, переходя из рук, в которых они суть средства обмена, в руки, в которых они суть предметы потребления» [4, с. 28–29]. Благодаря процессу обмена «продукт одного полезного вида труда становится на место продукта другого полезного вида труда» [5, с. 114]. Происходит взаимное перемещение продуктов труда. Непосредственный обмен продуктами заканчивается «...после того как потребительные стоимости поменялись местами и владельцами» [5, с. 123]. Будучи не потребительными стоимостями до обмена, последние после его завершения становятся предметами потребления, удовлетворяющими потребности товаровладельцев. Товар достигает того пункта, в котором он служит в качестве потребительной стоимости. После этого «он выпадает из сферы товарного обмена и переходит в сферу потребления» [5, с. 114].

Здесь важно указать на изменение формы, которой подвергаются товары, когда они меняются местами [4, с. 29]. Изменение формы товаров связано с их становлением потребительными стоимостями. «У исходного пункта он (товар. – В.К.) является непотребительной стоимостью, у конечного пункта он – потребительная стоимость для своего владельца» [5, с. 122]. Обе стороны отношения обмена являются товарами. На каждой стороне отношения представлено единство не потребительной и потребительной стоимости. Именно благодаря свойству дуальности вещей, находящихся на противоположных полюсах, процесс обмена становится реальностью. Вещь удовлетворяющая потребность и обладающая свойством дуальности переносит свою полезность, т.е. перемещает необходимые жизненные средства от одного индивида к другому.

Произведенные индивидами продукты находятся в частной собственности. Это означает, что их владельцы могут распоряжаться ими по своей собственной воле. Вследствие этого первоначальное положение участников обмена изменяется. Оно становится другим. Происходит смена собственника. В ходе обмена «товаровладельцы присваивают чужой продукт только путем отчуждения своего собственного» [5, с. 119]. Об этом же говорит и О. фон Бем-Баверк: «Нельзя приобрести чужую вещь, – пишет он, – не отдав за нее своей собственной вещи» [1, с. 199]. Присвоение и отчуждение, будучи взаимно предполагающими и одновременно взаимно отрицающими, переходящими друг в друга противоположностями, являются, возможно, эквивалентными описаниями процесса обмена. Присвоения не может быть без отчуждения, и наоборот. Отчуждение есть в то же самое время присвоение. Два процесса протекают в одно и то же время. Единый процесс присвоения – отчуждения является двусторонним, а потому характеризуется дуальностью. Одно обуславливает другое.

«Вещественный обмен продуктами труда» [5, с. 125] представляет собой, таким образом, движение общественного обмена веществ. Благодаря ему удовлетворяются потребности участников обмена. В функции посредников не потребительные стоимости являются переносчиками взаимодействия. Произведенные предметы, таким образом, становятся вещественными носителями отношений обмена. «...Такое единство (или общность), – как показано выше, – создается тем признаком, которым один индивид обладает, а другой – нет. И отсутствие известного признака привязывает одного индивида к другому гораздо крепче, чем одинаковое наличие его у обоих...» [3, с. 273]. Посредничество вещей, переносчиков взаимодействия, удерживает агентов в связанном состоянии в пределах самого отношения обмена. Оно привязывает агентов друг к другу. Целостность частей, т.е. отдельных звеньев разделения труда, обеспечивается наличием этой связи. В этом смысле «общество, – по замечанию Л. фон Мизеса, – есть разделение и соединение труда» [6, с. 135].

Изменение в объекте, каковым является двусторонний, безденежный обмен, происходит добровольно путем обоюдной замены в каждой из сторон. Произошедшее в результате обмена изменение воспроизводит и сохраняет независимость и обособленность товаровладельцев, их самостоятельность по отношению друг к другу. Другими словами, взаимная замена различающихся между собой не потребительных стоимостей удерживает симметричную позицию участников обмена. Исходный пункт и конечный результат произошедших преобразований не затрагивает их сохраняющиеся существенные характеристики. Обе стороны отношения, будучи различными, рассматриваются как эквивалентные [9]. Таким образом, дуальность, поддерживающая формы и положение рыночных агентов в отношении обмена, приводит к сохранению их симметрии.

Симметрия связи

Мотивы двух абсолютно равноправных индивидов, их поведение и движущие силы всегда воплощены и заключены в добровольно создаваемом ими отношении. Последнее проявляет себя, придавая его участникам характерные черты и определяет специфику их деятельности. При этом действие одного органически связано с действием другого. По словам А. Смита, содержание любой сделки сводится к следующему. «Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе, – таков смысл всякого подобного предложения» [8, с. 76–77]. Каким же образом обеспечивается равновесие в обмене и его целостность? Два индивида находятся в одном и том же, но противоположном положении. Каждый из них в одно и то же время и спрашивает, и предлагает. Каждый из них говорит: «Дай мне то, что мне нужно...». В данном случае речь идет о спросе со стороны агентов, которым нужна необходимая им вещь. Спрос каждого из них сформирован на основе имеющейся в их распоряжении индивидуальной информации. При этом дается субъективная оценка спрашиваемой вещи. С обладанием этой вещью они связывают свое благополучие [1, с. 65–66]. Им, надо полагать, известно, где и как они будут использовать эту вещь. Будет ли она направлена на удовлетворение потребности в производстве или в потреблении. Именно с этой точки зрения рассматривается ими ценность спрашиваемой вещи. В то же время они готовы предложить друг другу то, что они спрашивают. Каждый из них заявляет: «...Ты получишь то, что необходимо тебе...». В их собственных интересах сделать друг для друга то, что требует каждый из них [8]. Такое предложение соблюдает практические интересы обоих участников обмена и, удовлетворяя их потребности, является выгодным для них. В этой абстрактной конструкции «все, что экономисты утверждают относительно спроса и предложения, относится к любому примеру спроса и предложения...» [6, с. 226]. Рассуждения индивидов, находящийся на противоположных сторонах отношения, идентичны.

Представляется, что в контексте рассмотренного лежат следующие утверждения Л. Мизеса. «Отношение обмена, – говорит он, – является фундаментальным общественным отношением. Межличностный обмен товарами и услугами сплетает связи, которые объединяют людей в общество. Формула общества выглядит так: *du at des*». В этом случае, подчеркивает Л. Мизес, предполагается

взаимность, с намерением принести пользу сопутствующей деятельности других людей [6]. В то же время, современные исследования показывают, что природа связи участников обмена, вероятно, намного сложнее. Экономисты, не ограничиваясь преднамеренной взаимностью, пытаются по-разному объяснять рациональность поведения индивидов. Они предлагают рассматривать ее либо как стремление к достижению эквивалентности, либо к сохранению некоего общего равновесия. Важная роль в объяснениях отводится теории игр. Обращается особое внимание на то, что агенты принимают решения в условиях асимметрии информации.

Что касается товара, то, как было показано выше, он представляет собой единство не потребительной и потребительной стоимости. Его внутреннее отношение к самому себе, т.е. его дуальность, внешним образом обнаруживается через его отношение к другому товару. Другой товар играет лишь роль зеркала, в котором отражается внутренне противоречивая природа товара [3]. Характеристики товаров противоположны (симметричны), поскольку противоположны стороны отношения. Они определяются внутри отношения сторонами этого отношения, т.е. выражаются относительно. Через собственное отношение одного товара и его владельца к другому товару и владельцу.

Каждый из них определен сам по себе, но в то же самое время соотносится с другим. Выражаясь языком Г. В. Ф. Гегеля, это не внешнее другое, а «свое другое», «иное себя». Каждый из них существует как «свое иное». То, что он есть, он есть через иное, через свое собственное небытие [2]. Одно определение дается через соотношение с другим. Одно приводит к другому. Из другого вытекает одно. В одном и том же отношении соотносятся друг с другом два определения. Их переход составляет суть и содержит противоречие [2]. То, что происходит с одним, определяется выбором другого, и наоборот.

Поведение каждого индивида – это всего лишь отражение хода действий другого индивида, реакция на его оценки и поступки. Первоначальное действие одного индивида как в зеркале отражается другим в виде его собственных ответных решений. Последние, будучи отражениями контрагента, возвращаются назад. Индивид, таким образом, получает обратно свое собственное, но уже отраженное, действие – свое другое. Таким образом, отношение одного индивида к другому тождественно его отношению к самому себе. Каждый из участников обмена, руководствуясь поведением другого, должен учитывать реакцию другого. Поведение одного изменяет поведение другого.

Внутри одного и того же отношения прямого безденежного обмена каждый из товаровладельцев одновременно находится в двух взаимоисключающих состояниях. Спрашивающему противостоит предлагающий, и наоборот. Спрос каждого из них основывается на субъективной оценке, предлагаемой им к обмену вещи. В то же время у каждого из спрашивающих имеется собственная оценка вещи, которую они хотят сбыть. В определении ценности вещей участвуют, таким образом, оба контрагента, находящиеся в состоянии симметрии. При этом товаровладельцы по-разному оценивают обмениваемые блага. Обмен произойдет при условии, если «...каждый из них ценит то, что получает, больше, чем то, от чего отказывается» [7, с. 17]. Если их оценки товаров расходятся, то обмен не состоится. В любом случае соблюдается условие: «...Один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно каждый из них лишь при посредстве одного общего им волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный» [5, с. 94]. Если же обмен произошел, то ценность обмениваемых вещей признана ими одинаковой. Устраивающая обеих цена, представляет собой продукт взаимодействия индивидов.

Эта цена «фактически существовала в заключенной сделке» [6, с. 232]. Она уравнивает спрос и предложение и обеспечивает выгоду каждому участнику обмена. В этом отношении оба выигрывают от обмена, повышая свое благосостояние. Непосредственный обмен продуктами продолжается «до тех пор, пока дальнейший обмен становится невозможным, поскольку от нового акта обмена ни одна из сторон не ожидает дальнейшего улучшения своего положения» [6, с. 231]. После

окончания обмена оба контрагента находятся в состоянии симметрии. «Там, где сотрудничество основано на договоре, – пишет Л. фон Мизес, – отношения между сотрудничающими индивидами являются симметричными» [6, с. 185].

Эволюция процесса обмена «...порождает раздвоение товара на товар и деньги...» [5, с. 97]. Крайними сторонами этого отношения становятся товар и деньги. Само отношение принимает форму обмена товара на деньги [3]. В рамках этого отношения «...превращение товара в деньги есть в то же время превращение денег в товар. Этот единый процесс является, таким образом, двусторонним...» [5, с. 118–119]. Продажи не может быть без купли, и наоборот. Два процесса протекают в одно и то же время. Если кто-то продает, то это означает, что есть тот, кто покупает. Этот единый процесс является обоюдным. Одно обуславливает другое. «...Купля, есть в то же время продажа...» [5, с. 120]. Оба метаморфоза зеркально симметричны.

С появлением денег, однако, происходит принципиально важное изменение. Продажа – Т–Д отделяется от купли – Д–Т. «Никто, – отмечает К. Маркс, – не может продать без того, чтобы кто-нибудь другой не купил. Но никто не обязан немедленно покупать только потому, что сам он что-то продал» [5, с. 124]. За продажей, таким образом, не обязательно следует покупка. Спросу, в этом случае, не противостоит адекватное предложение, и наоборот. В этой ситуации происходит временной разрыв между покупками и продажами. Их единство разрушается. Внешнее обособление внутренне связанных, дополняющих друг друга процессов становится причиной нарушения симметрии и включает в себе возможность кризисов. Это, как указывает К. Маркс, могут быть производственные, торговые и денежные кризисы [5].

Возможно, что обнаружившиеся в мировой экономике в конце 2000-х гг. многочисленные дисбалансы представляют собой всего лишь многообразные внешние проявления асимметрии в отношениях обмена. На фундаментальном уровне, по-видимому, произошло нарушение работы присущих рыночной экономике имманентных стабилизирующих сил. Это негативно подействовало прежде всего на стимулы акторов рынка, что дало экономистам повод говорить о так называемом кризисе доверия.

Библиографический список

1. Бём-Баверк, Ойген фон. Избранные труды о ценности, проценте и капитале / Ойген фон Бём-Баверк; пер. с англ. – М. : Эксмо, 2009. – 912 с. – ISBN 978-5-699-22421-0.
2. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х т. Т. 2 / Г. В. Ф. Гегель; отв. ред. М. М. Розенталь. – М. : Мысль, 1971. – 248 с.
3. Ильенков, Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории / Э. В. Ильенков. – 2-е изд., доп. – М. : Политиздат, 1984. – 320 с.
4. Маркс, К. К критике политической экономии / К. Маркс; под ред. А. И. Малыша. – М. : ЛКИ, 2010. – 176 с. – ISBN 978-5-382-01060-1.
5. Маркс, К. Капитал. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – 2-изд. – Т. 23.
6. Мизес, Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Л. фон Мизес; пер. с 3-го испр. англ. изд. – Челябинск, 2008. – 878 с. – ISBN 978-5-91603-002-0.
7. Ротбард, Мюррей. Государство, деньги и центральный банк / Мюррей Ротбард; пер. с англ. и франц.; под ред. Гр. Сапова и А. Куряева. – Челябинск : Социум, 2016. – 308 с. – ISBN 978-5-906401-54-0.
8. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит; пер. с англ. – М. : Эксмо, 2007. – 960 с. – ISBN 978-5-699-18389-0.
9. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М. : Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.